

Грачева Марина (Мариэтта А. Роз)

Смерти нет

Смерти нет. Есть только страх.

Эту истину я узнала еще в далеком детстве, от своей бабушки Василины. Вернее, она была моей прапрабабушкой.

Я хорошо ее помню. Это была маленькая сухонькая старушка. Говорила она странно, незнакомо и смешно, а еще она любила пить чай с домовым Яшкой, раскладывать пасьянс и вязала множество носков.

Конечно же, я ходила в детский сад, в ясельную группу – мать не сильно доверяла столетней старухе, тем более что она уже не могла выходить из дома. Но поскольку я то и дело таскала из садика самые разные болячки, то в итоге проводила много времени с бабушкой Василиной.

Я любила ее, не сильно шалила, всегда помогала сматывать шерсть в клубок и наливала чай маленькому мохнатому домовому, который жил в стенном шкафу и выходил только тогда, когда родителей не было дома.

Это случилось, когда мне было уже три года, даже три с половиной, почти четыре.

Бабушка Василина вдруг позвала меня. Я вошла в ее комнату и увидела, что она лежит в кровати в своем любимом платье, а рядом стоит домовый Яшка и кто-то незнакомый, высокий в черном развивающемся балахоне.

- Ты не бойся, внученька, - сказала мне бабушка. – Это всего лишь дух, он побудет у нас немного и уйдет.

Я покосилась на высокую фигуру в балахоне, фигура покосилась на меня.

- Смерти нет, - сказала бабушка. – Есть только страх. Запомнила?

- Да, - ответила я.

- Хорошо. А теперь я лягу и усну, а ты поиграй немного. Не шуми. Твои родители скоро придут.

- Хорошо, бабушка, - ответила я и убежала в свою комнату.

Родители, действительно, пришли вскоре. И выяснилось, что бабушка Василина умерла.

- Ты не испугалась? – спросила меня потом мать.

- Нет, - ответила я. – Бабушка мне все объяснила: смерти нет.

Когда мне исполнилось восемь лет, мать отвела меня к врачу.

- Вы знаете, - сказала она, - моя дочь совершенно не боится смерти!

- Не боишься? - поинтересовался у меня врач.

- Нет, - ответила я, - смерти нет.

В кабинете мне было интересно – он был совершенно не похож на прочие медицинские кабинеты. Вместо страшных плакатов с больными детьми и разрезами кишечника висели солнечные картинки с улыбающимися людьми.

- Вы знаете, - мать достала из сумки носовой платок, - моя дочь в детстве пережила страшную травму – у нее на глазах умерла прабабушка моего мужа. Глупо, конечно, было оставлять трехлетнего ребенка со столетней старухой. Но вы знаете... - мать томно вздохнула всей грудью, как бы говоря: ну уж вы-то точно меня понимаете! – И после этого она стала говорить, что смерти нет. Наверное, у нее шизофрения.

- Почему нет смерти? – опять поинтересовался у меня врач.

- Есть только страх, - ответила я. – Бабушка мне все объяснила тогда. В то утро.

А потом меня выставили за дверь.

Врач о чем-то долго говорил с матерью, та потом выскочила из кабинета вся пунцовая, сердитая. Схватила меня за руку и потащила домой.

- Больше мы не пойдём к этому врачу! Он ужасный специалист. Он ничего не понимает в детской психике.

Вечером домовый Яшка, как обычно, закутал меня в одеяло и неспешно устроился на краю постели.

- Линочка, - сказал он, - не надо всем говорить про духа в балахоне.

- Почему?

- И про смерть тоже не надо. И про меня.

- Ну, почему?

- Видишь ли, - Яшка покачал кудлатой головой, - не все люди могут видеть нас. Лишь некоторые, вроде тебя. И твоей бабушки, покойницы Василины Григорьевны. И те люди, которые не могут видеть нас, они... они, знаешь ли, нас боятся.

- Почему?

- Поймешь, когда вырастешь. – Конечно, я тут же надулась. – А пока пообещай мне, что никому никогда не будешь говорить ни про меня, ни про духа в балахоне, ни про других духов. И тем более про то, что смерти нет.

Я подумала немного. Решила схитрить.

- А когда я вырасту?

Яшка задумался.

- Когда тебе будет тринадцать лет, я тебе все расскажу. А теперь спи.

Спустя еще пять лет я усиленно стучалась в стенной шкаф, где за старыми шубами и пальто жил Яшка. Яшка упорно не желал выходить.

- Ты обещал, - гундосила я и даже подпрыгивала от собственного гундоса. – Ты обещал!! Ну, Яшка, не честно!!

- Честно – не честно, села бабка в кресло, - проворчала дверца шкафа. – Спать не даешь.

- А нефиг спать. Я уже из школы пришла.

- Уроки сделала? – оживилась дверца шкафа.

- Яшка!! Успею. Мне вчера тринадцать исполнилось? Исполнилось. А ты обещал? Обещал. Выходи давай!!

Дверца шкафа некоторое время думала. Наконец, Яшкин голос пробасил:

- Ну, раз обещал, то скажу. Ты лучше чаю завари покрепче, я тока рубаху одену и выйду.

Вскоре мы уже сидели на кухне. Яшка пил чай, как обычно, из большой цветастой кружки, громко причмокивая, закусывая кусками сахара. Я терпеливо ждала. Знала, что пока Яшка чаю не напьется, толку мало будет.

Наконец, домовый вытер губы и сказал:

- Знаешь, Линочка, в мире полно всяких разных духов. И все они для чего-то нужны. А тот дух, ну тот, который в балахоне, он вроде как смерть. Вернее, не смерть. Не совсем... - Яшка задумался, зачмокал губами. – Он появляется там, где кто-то может умереть.

- Что значит, может?

- Может, умрет, а может, и нет.

- Как так? – не понимала я.

- Ты ж его чаще всего на перекрестках видишь, да? – Я кивнула. – Значит, кто-то из людей может там погибнуть. Вероятность есть такая. Машина собьет, например. Но если этот кто-то случайно задержится, отвлечется, ну мало ли! Если он опоздает, и машина проедет мимо – значит, он не умрет. Понимаешь?

Я задумалась.

Кажется, поняла...

- То есть духа можно обойти? И не умереть?

- Можно, Линочка, всегда можно.

- Всегда-всегда? – не поверила я.

- Просто люди его боятся, а он тогда власть над человеком получает. И все, конец! – Домовой красочно взмахнул руками.

- Значит, и бабушка... Яша, и бабушка его испугалась?

- Нет, Линочка, просто она уже старенькая была, устала. От жизни тоже иногда устают.

Позже я много думала о том, что сказал мне Яшка. О бабушке Василине, о жизни, о смерти. Вообще о многом. Все это было так странно! Необычно. И, честно говоря, пугающе.

Я решила узнать, правду ли мне сказал мне Яшка или нет? Можно ли обойти духа?

Искала его долго. Каждый день после школы я отправлялась бродить по улицам, всматривалась – не мелькнет ли где черный балахон? Наконец, я его нашла.

Он стоял посреди сложного перекрестка. Мимо него мчались машины, шли люди, а он просто стоял и смотрел куда-то вдаль, выжидал.

Я встала тоже. Стала всматриваться в ту же сторону, что и он.

Мы то и дело косились друг на друга.

Зачем ты здесь?

За тем же, что и ты.

Мы ждали. То ли вечность, то ли мгновение. Я ужасно боялась, что не замечу того, кого так ждет дух. Но я заметила.

Это была девушка. Совсем молоденькая, чуть старше меня. В коротеньком белом платье, с волнистыми черными волосами. Она шла по тротуару, ела мороженое.

Увидев ее, дух покачнулся, а я тут же кинулась к ней:

- Скажите!.. а как... - Что ей сказать?! Не про духа же говорить! Не про смерть! И я выпалила первый же адрес, который только пришел мне в голову.

Девушка задумалась.

- Это там, - наконец, махнула она рукой. – Дойди до угла и направо. Спросишь, если что.

- Спасибо!

Я обернулась – духа на перекрестке уже не было.

С тех пор он всегда на меня косился. Каждый раз. И каждый раз, когда я замечала его, то начинала глазами выискать его жертву. Иногда мне удавалось, иногда нет. Дух злился, но мне было все равно.

Смерти нет. Есть только страх.

Когда я стала уже совсем взрослой, то так получилось, что я забеременела.

Дома к этой новости отнеслись по-разному. Мать округлила глаза, отец прощамкал что-то невнятное. Обрадовался только Яшка.

- Младенец это хорошо! Я его нянькать буду. У меня вот вещички твои кой-какие сохранились. Показать?

- Покажи, - согласилась я, вытирая слезы после долгого неприятного разговора с родителями.

Беременность переносила тяжело. Сильно отекали ноги. Порой так, что было даже больно ходить. И на тридцать шестой неделе меня из консультации на «скорой» увезли в больницу.

Врач сперва долго ощупывал мой опухший живот и не менее опухшие ноги, затем спрятался за бумажками – анализ мочи, крови, данные УЗИ.

- Скажите, - наконец пролепетал он, - Вы ведь болели ангиной или там гриппом?

Конечно, все в свое время болели гриппом или ангиной.

- На ногах переносили? – продолжил врач.

Еще и плохо залечивала. Времени нет: то учеба, то работа.

- Видите ли, - мямлит врач, и я начинаю озираться. Мне неприятно, что он так тянет – сказал бы уж сразу, чего тянут? Да и потом... мне, откровенно

говоря, плохо, прилечь бы. И вдруг я замечаю в углу знакомую высокую фигуру.

- Видите ли, - продолжает тянуть врач, - возможно инфекция опустилась в почки...

Причем тут почки? Я смотрю на фигуру в балахоне. Фигура смотрит на меня, покачивает головой.

- Образовались спайки. И... отечность... В общем... - Врач умолкает – понимает, что я его не слушаю.

- У меня есть время? – спрашиваю я, а сама не свожу глаз с фигуры в углу.

- Ну... - опять мнется врач.

- Время, доктор, - уже твердо говорю я. – Сколько у меня времени? Мне нужно... - я умолкаю, стараясь подобрать нужное слово. Но врачу достаточно и этого моего столь странного молчания. А мне будет достаточно одной ночи.

- Хорошо, я завтра зайду к Вам. – И он уходит. А фигура в углу остается. Смотрит на меня.

Смерти нет. Есть только страх.

В палате я одна. Это хорошо.

Медсестра боязливо косится на меня, а я кошусь на фигуру в углу.

- Вы будете в порядке? – спрашивает она. На самом деле ей это не интересно, ей хочется пойти посмотреть телевизор.

- Да, - отвечаю я. Стараюсь говорить спокойно, уверенно. Нельзя дать страху завладеть мной.

Некоторое время мы просто смотрим друг на друга.

- Смерти нет, - наконец говорю я.

Говорить трудно. Слюна закончилась, и язык едва шевелится. Но все-таки повторяю:

- Смерти нет.

- Есть, - отвечает мне высокая фигура в балахоне. Он все еще стоит в углу.

– Вспомни, свою бабушку.

- Она была стара и просто устала.

- Но она умерла.

- Да, она умерла, - соглашаюсь я, и фигура делает шаг в мою сторону. –

Она прожила долгую жизнь, больше ста лет! Она просто устала.

- Были и другие. Они тоже умерли.

- Смерти нет, - упрямо твержу я. – Человек просто переходит в другое состояние.

- Но его больше нет, - возражает фигура в балахоне. Он бесшумно движется ко мне по кафелю палаты. – Его тело застыло, его жрут черви.

- Это всего лишь круг жизни. Как круговорот воды в природе. Сперва одно состояние, потом другое, а потом третье – вода, пар, лед.

- Нет, это совсем другое! – Он уже близко. Если я протяну руку, то, наверное, даже коснусь его.

- Нет! Смерти нет. Есть только страх. А ты всего лишь дух, и я не боюсь тебя.

- Боишься, - уверенно возражает фигура. – Все боятся.

- Я — не все.

Продолжаю упрячиться, но чувствую, как страх завладевает мной.

Ребенок в моем животе забарахтался.

Мое дитя.

Я обнимаю живот похолодевшими руками и продолжаю твердить:

- Смерти нет. Есть только страх. А ты... ты... - я запинаюсь и вдруг громко выкрикиваю: *У тебя нет власти надо мной!*

И все закончилось.

Когда сестра вбежала в палату, я, скрючившись, сидела на своей койке, живот судорожно содрогался.

- Что случилось?

- Схватки. У меня начались схватки.

Меня везут по больничному коридору. Боль просто дикая. Над головой мелькают лампочки. Я то и дело пытаюсь приподняться и оглянуться: нет ли фигуры в балахоне?

- Успокойтесь! – твердят мне тут же люди в белых халатах. – Это всего лишь схватки.

Ничего себе «всего лишь»!

Наконец, меня привозят в родильное отделение, и врач-акушер судорожно пихает мне какую-то бумажку.

- Умоляю Вас! – В его голосе слезы. – Соглашайтесь на кесарево. Только не в мою смену! Только не в мою!

Я оглядываюсь: фигуры в балахоне нет, - и подписываю бумагу.

Через несколько часов я снова в реанимации, но уже в другой палате. На соседних койках лежат другие женщины, сестры тихо переговариваются. Все спокойно, никаких подозрительных черных пятен.

Утром приходит врач, который так мямлил накануне. Он берет меня за руку, щупает пульс.

- Вы молодец, - говорит он. Говорит уже спокойно. – Честно говоря, я не думал, что все хорошо закончится.

- Смерти нет, доктор. Есть только страх.